

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(6), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Акташ Р. Образ России и россиян в сознании турецкого студенчества (на примере Анталии) / Р. Акташ // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 6. — С. 9—28. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-6-9-28.

Aktash, R. (2026). Image of Russia and Russians in Perception of Turkish Youth in Antalya. *Nauchnyi dialog*, 15 (6): 9-28. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-6-9-28. (In Russ.).

Web of Science™

Scopus®

DOAJ

ERIH PLUS

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Образ России и россиян в сознании турецкого студенчества (на примере Анталии)

Акташ Рената
orcid.org/ 0000-0002-7867-5054
старший преподаватель,
отделение русского языка
и литературы
renata7777@mail.ru

Университет Акдениз
(Анталья, Турция)

Image of Russia and Russians in Perception of Turkish Youth in Antalya

Renata Aktash
orcid.org/ 0000-0002-7867-5054
Senior Lecturer, Department
of Russian Language
and Literature
renata7777@mail.ru

Akdeniz University
(Antalya, Turkey)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена изучению образа России и россиян в сознании турецкой молодежи региона Анталья. Проведено исследование актуальных гетеростереотипов в условиях масштабной русскоязычной миграции. Рассматриваются вопросы трансформации восприятия «другого» при переходе от туристических контактов к повседневному соседству. В качестве материалов привлекаются данные свободного ассоциативного эксперимента среди студентов университета Акдениз. Проанализировано 130 единиц материала, полученных в ходе анонимного анкетирования. Источниками выступили ответы респондентов в возрасте от 18 до 22 лет. Материалы для анализа извлечены из результатов качественной обработки данных в программе MAXQDA. Впервые вводятся в научный оборот сведения о четырех семантических полях концепта РОССИЯ: политическом, географическом, оценочном и символическом. Проведенный анализ показал доминирование политико-государственного компонента в сознании студентов. Сообщается, что образ страны персонифицирован через фигуру Владимира Путина. Выявлено, что восприятие россиян носит дихотомический характер. Отмечается, что внешняя привлекательность граждан (светлый тип, высокий рост) противопоставляется их коммуникативной закрытости. Сделан вывод о восприятии России как «северного полюса силы» и мощной геополитической структуры. Основные доказанные положения подтверждают устойчивость стереотипа о «холодной» и «суровой» натуре русского человека.

Ключевые слова:

образ России; россияне; турецкое студенчество; гетеростереотипы; Анталья; ассоциативный эксперимент.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article investigates the image of Russia and its citizens within the consciousness of Turkish youth residing in the Antalya region, particularly in light of significant Russian-speaking migration. The research focuses on the transformation of perceptions of the “other” as interactions shift from tourist encounters to everyday coexistence. Utilizing data from a free associative experiment conducted among students at Akdeniz University, the study analyzes 130 units of material obtained through anonymous questionnaires. Respondents aged between 18 and 22 years provided insights that were qualitatively processed using MAXQDA software. For the first time, this study introduces four semantic fields associated with the concept of RUSSIA: political, geographical, evaluative, and symbolic. The analysis reveals a predominance of the political-state component in the students' consciousness, with the image of the country being personified through the figure of Vladimir Putin. Furthermore, the perception of Russians is characterized by a dichotomous nature; while their external attractiveness (light features, tall stature) is acknowledged, it is often contrasted with perceived communicative closedness. The findings suggest that Turkey's youth view Russia as a “northern pole of strength” and a formidable geopolitical entity. Ultimately, the study confirms the persistence of stereotypes regarding the “cold” and “harsh” nature of the Russian people.

Key words:

image of Russia; Russians; Turkish student community; heterostereotypes; Antalya; associative experiment.

УДК 81-114.4+811.512.161'373.218

DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-6-9-28

Научная специальность ВАК
5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Образ России и россиян в сознании турецкого студенчества (на примере Анталии)

© Акташ Рената, 2026

1. Введение = Introduction

Современная Анталия давно переросла статус исключительно туристического центра, превратившись в уникальный социокультурный феномен — межкультурный центр глобальных миграционных потоков. В последние годы в Анталии наблюдается существенный рост численности русскоязычных туристов и мигрантов, при этом русский язык выступает в роли ключевого консолидирующего фактора, обеспечивающего единство данной социокультурной группы в городском пространстве [Акташ, 2023, с. 18]. Сегодня Анталия выступает в роли ключевого узла расселения, аккумулируя потоки русскоязычных мигрантов. Город фактически превратился в ключевой пункт сбора русскоязычной эмиграции, сформировав внутри турецкого ландшафта особую «русскую среду».

Переход русскоязычных граждан в Анталии к постоянному проживанию привел к трансформации группы мигрантов в то, что Дениз [Deniz, 2010, с. 17] определяет как «устойчивое транснациональное сообщество». Сохраняя тесную связь с родиной, данное сообщество одновременно демонстрирует глубокую интеграцию в местную среду. Сегодня эта среда представляет собой развитую и самодостаточную социокультурную экосистему.

О долгосрочном характере этого укоренения свидетельствует возникновение полноценной социальной инфраструктуры: в городе открыты специализированные книжные магазины, частные школы и детские сады, обеспечивающие сохранение культурного и образовательного кода. Гастрономический ландшафт пополнился ресторанами и кафе, предлагающими адаптивное меню для выходцев из постсоветского пространства, что превращает эти заведения в центры социальной консолидации. Параллельно с этим внутри сообщества сформировался замкнутый цикл бытовых услуг, охватывающий практически все сферы повседневной жизни. Наличие собственных мастеров (от портных и парикмахеров до автомехаников, слесарей и специалистов клининговых компаний) свидетельствует о возникновении внутреннего рынка труда и высокой степени самоорганизации. Следовательно, самоорганизация выступает как высшая форма адаптации, где мигранты сами создают пространство жизни. В этом контексте создание соб-

ственной инфраструктуры подтверждает тезис И. Чэмберса о том, что «прийти из других мест — значит приобрести привычку жить» [Chambers, 1995, с. 16]. В контексте Анталии эта «привычка» материализуется в создании самодостаточной среды, где миграция перестает быть актом перемещения и становится процессом повседневного укоренения.

Согласно С. Уйсал и Ч. Четин (2025), Турция стала одной из основных стран назначения для масштабной волны миграции россиян в 2022 году. Этому способствовал безвизовый режим, позволяющий находиться в стране до 60 дней. Исследователи, опираясь на данные статистического института Турции, утверждают, что число постоянно проживающих в республике россиян выросло с 22 291 человека в 2021 году до 99 898 в 2022-м (прирост 348,83 %), не считая краткосрочных визитеров. Статистика международной миграции за 2021—2022 годы подтверждает резкий структурный сдвиг: РФ переместилась с позиций вне топ-5 на первое место, обеспечив 25 % всего притока иностранцев в страну [Uysal et al., 2025, с. 1528].

Данные волны миграции привели к тому, что за рубежом (в частности, в Турции) сформировался качественно новый социальный срез российского присутствия: на смену краткосрочным туристам пришли граждане преимущественно молодого и среднего трудоспособного возраста (представители интеллигенции, IT-индустрии, предприниматели и семьи с детьми).

Вместе с трансформацией социального портрета мигранта начал меняться и сам образ россиянина в восприятии принимающей стороны. В сознании турецких граждан он перестал отождествляться исключительно с официальными государственными институтами или сезонным отдыхом. Современный россиянин в Турции — это активный участник локальной экономики и городской жизни, носитель определенных гражданских ценностей и специфических поведенческих паттернов, адаптирующихся к новым условиям. Подобные изменения формируют принципиально иную эмпирическую базу для восприятия России турецким обществом, что требует детального изучения через призму прямых социальных контактов.

Традиционные этнические стереотипы, характеризующие народ через его ярких представителей [Литвинова, 2022, с. 57], в современной среде Анталии подвергаются обновлению под влиянием личного опыта взаимодействия с транснациональным сообществом, его повседневными практиками и ценностными ориентирами. Формирование столь масштабной и устойчивой «русской среды» неизбежно трансформирует восприятие России внутри турецкого общества. Для молодого поколения турок, обучающегося в условиях мультикультурной Анталии, образ России и россиян перестает быть абстрактным конструктом и наполняется новыми смыслами. В связи с этим возникает необходимость проанализировать, как именно в сознании турецкой молодежи сегодня преломляется образ «другого» и какие черты российского национального характера выходят на первый план в этой новой социальной реальности.

Переход от «заочного» знакомства с Россией к прямому повседневному контакту в городском пространстве знаменует собой качественный сдвиг в турецко-российских отношениях на микроуровне. Взаимодействие турецкого общества с представителями русской культуры вышло за рамки краткосрочных контактов в туристической зоне. Сегодня оно носит характер глубокого повседневного соприкосновения в академической среде, жилых пространствах и общественном секторе. Личное знакомство разрушает мифы: на смену книжным стереотипам приходит реальное понимание того, как на самом деле живут и ведут себя представители другой культуры.

Работы, в которых исследователи стали изучать отношение местных жителей к России, к русскому человеку, появились сравнительно недавно. Комплексное исследование формирования и трансформации образа России в Турции с периода Золотой Орды до начала XXI века провел И. Кемалоглу [Kemaloğlu, 2015]. Также проводилось детальное изучение образа России [Bakan, 2008], феномена «русских невест» [Filiyeva Erkeç, 2017; Deniz, 2012; Deniz, 2013; Deniz, 2018], специфики межнациональных браков [Özmen, 2017; Deniz, 2017], русской миграции в Турцию [Antonova-Ünlü, 2015; Turut et al., 2018; Uysal, 2025]. Однако прямые исследования, объектом которых является социокультурный портрет России и россиян в представлении турецких граждан, на данный момент отсутствуют.

Актуальность данной работы обусловлена формированием новой социально-политической реальности, оказавшей прямое влияние на характер российского присутствия в Турции. Традиционные стереотипы о «соседе», сформированные историческим контекстом и массовым туризмом, сегодня сталкиваются с реальностью долгосрочного сосуществования. Анталя, ставшая одним из главных центров притяжения российских граждан в регионе, превратилась в уникальную площадку для прямого межкультурного диалога. Изучение того, как эти процессы отражаются в сознании турецкого студенчества, имеет критическое значение для прогнозирования вектора долгосрочных российско-турецких отношений.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В ходе исследования применялись теоретико-методологический анализ и эмпирический метод. Свободный ассоциативный эксперимент был сфокусирован на студенческой среде турецкого университета Акдениз и обусловлен несколькими факторами. Во-первых, молодежная среда мгновенно отражает любые социальные сдвиги. Высокая степень вовлеченности в коммуникации позволяет студентам первыми фиксировать изменения в культурной жизни региона. Во-вторых, научный интерес представляют именно бытовые представления студентов. Важно, что большинство опрошенных не изучают русский язык профессионально. Отсутствие академических знаний позволяет увидеть реальную картину того, что молодежь думает о россиянах. Их мнение строится на личном опыте и медиа

и выявляет искренние ассоциации. В-третьих, важную роль играет погружение в городскую среду. В современной Анталье русскоязычная инфраструктура развита настолько, что студенты ежедневно сталкиваются с ней в быту: видят вывески, пользуются услугами, общаются с соседями. Это позволяет им считывать культурные особенности и оценивать образ россиян через личное наблюдение, даже если они не знают русского языка.

Свободный ассоциативный эксперимент был разработан с целью выявления как когнитивного компонента (знания о России и россиянах), так и аффективного компонента (эмоциональное отношение, симпатии / антипатии). В данной работе автор разграничивает понятия «российский» (относящийся к государственной принадлежности) и «русскоязычный» (характеризующий лингвистическую и социокультурную общность). Однако необходимо учитывать специфику турецкой языковой картины мира, в которой эти концепты зачастую не дифференцируются. В обыденном сознании респондентов этноним *русский* традиционно выступает как собирательная категория, объединяющая народы, проживающие на территории России и других стран постсоветского пространства. Таким образом, анализируя полученные ответы турецких студентов, мы рассматриваем образ «русского» как комплексный этнолингвистический конструкт.

Для анализа полученных данных и выявления структуры современных гетеростереотипов был использован метод имагологического анализа. Анкетирование проводилось анонимно и дистанционно, при помощи Google-формы. Анонимность опроса позволила объективно зафиксировать ассоциации респондентов. Анкета состояла из двух частей. В первой части вопросы были направлены на определение социологического портрета опрашиваемых (возраст, пол, знания русского языка), а также опыта общения с россиянами. Во второй части респондентам предлагалось ответить на вопросы: «Какие ассоциации у Вас возникают в первую очередь при упоминании России / россиян?» Ссылка на анкету была разослана студентам турецкого университета Акдениз (Akdeniz Üniversitesi) по мобильному приложению. Опрос проводился в декабре 2025 — январе 2026 года. Всего было получено 130 ответов. После получения данных ответы были систематизированы по тематическим областям: демографический профиль участников, лингвокультурные ассоциации, восприятие национального характера, ключевые персоналии-символы и географические представления.

Полученные в ходе свободного ассоциативного эксперимента, проведенного на турецком языке, текстовые данные (открытые ответы на вопрос об ассоциациях) прошли процедуру компьютеризированного качественного анализа в программе MAXQDA. Процесс обработки включал первичное кодирование, создание облака слов, статистическую обработку и таблицы. Применение MAXQDA позволило объективизировать субъективные высказывания 130 респондентов, превратив разрозненные ассоциации в структурированную систему.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Социологический портрет респондентов

В ходе дескриптивного этапа основу выборки составили студенты университета Акдениз (Анталья) в возрасте 18—22 лет, для большинства из которых основным источником знаний о России является личный опыт и социальные сети. Опыт непосредственного взаимодействия с гражданами Российской Федерации (в формате личного знакомства, соседства или профессиональных связей) отметили 44,5% респондентов. В то же время большая часть выборки (55,5 %) опрошенных указала на отсутствие прямого опыта коммуникации с представителями России.

Среди опрошенных преобладают девушки (59,2 %), на долю молодых людей приходится 40,8 %. Самую многочисленную группу составили студенты, не знающие русского языка (74,6 %). Оставшаяся часть опрошенных (25,4 %) указала на наличие определенной подготовки, полученной в ходе специализированных языковых курсов или культурно-образовательных программ.

3.2. Социологический портрет концепта РОССИЯ

На основе полученных данных предлагается описание стереотипного образа России и россиян в сознании турецкой студенческой молодежи г. Анталии. На основе структуры вопросов анкету можно разделить на несколько ключевых тематических блоков, которые охватывают лингвокультурологические ассоциации, психологический портрет и стереотипы, национальный характер гастрономические и бытовые представления.

Рис. 1. Семантические поля концепта РОССИЯ

Согласно диаграмме (рис. 1), образ концепта РОССИЯ представлен четырьмя семантическими полями: политико-государственное, климатическо-географическое, оценочное и символическое поля.

Политико-государственное поле (35 %) выступает ведущим компонентом концепта. В данном сегменте Россия воспринимается респондентами исключительно через «призму власти» и государственного доминирования. Ключевыми концептуальными маркерами здесь являются *Путин* (выступающий как персонафицированный символ-лидер), *военная мощь*, а также *союз с Китаем*. Заметно

наличие исторической преемственности через понятия, обозначенные словами *коммунизм* и *СССР*, которые до сих пор остаются активными лексемами, маркирующими государственную идентичность России в глазах турецкой молодежи.

Рис. 2. Политико-государственное поле

Концепт ПОЛИТИКА представлен конкретными историческими персоналиями и государственными образованиями (рис. 2). Жирная соединительная линия к узлу «Владимир Путин» указывает на то, что политический деятель является наиболее частотным или значимым ассоциатом для субъекта. Также присутствует кросс-культурный код «Балтаджи Паша» (османский визирь). Это выбивается из стандартного набора «русских» ассоциаций и свидетельствует об интеграции турецкого и русского политического контекстов. Установлено, что концепт ПОЛИТИКА у турецких студентов персонифицирован и строится вокруг «великих личностей» (Путин, Петр I, царица Екатерина, Ленин, Сталин), а не институтов.

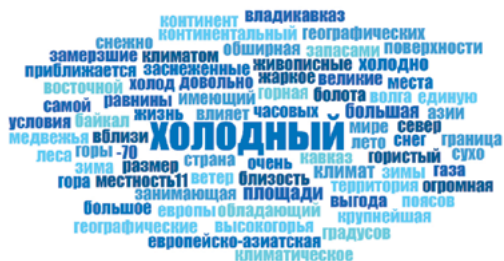

Рис. 3. Климатическо-географическое поле России

Климатическо-географическое поле (30 %) формирует пространственный каркас образа, определяемый через когнитивную метафору «холодного пространства». Как наглядно демонстрирует семантическая сеть, центральным и наиболее частотным в ассоциативном поле является элемент «холодный». При этом в реакциях студентов фиксируется не столько нейтральное обозначение данного признака («холод», «холодно»), сколько его экстремальные и ситуативные проявления: «-70 градусов», «снежно», «зима», «замерзший» и «заснеженный». Основная нагрузка ложится на дескрипторы природного характера: «холодный»,

«большая» и «северный». Понятие «север» выступает и как точка на карте, и как смысловой синоним всей России.

Географический масштаб страны («огромные территории») воспринимается как базовая характеристика, которая проецируется и на личностные характеристики жителей. Частотные реакции «огромная», «большая», «площади», «континент» и «размер» формируют образ необъятного пространства и подходящего ему под стать сильного русского человека. Очевидно, что Россия воспринимается студентами через призму её территориальных размеров и уникального расположения.

Интересно, что респонденты четко фиксируют положение страны как «европейско-азиатское» через маркеры «границы», «часовых поясов». Географически в сознании студентов Россия представлена «равнинами», «лесами», «горами» («гористый», «высокогорья»), а также водными объектами: «Волга», «Байкал» и «болота». Наличие гидронимов («Волга», «Байкал») свидетельствует о том, что географический компонент стереотипа базируется не только на абстрактных ассоциациях, но и на фактологических знаниях. Данные топонимы функционируют в сознании молодежи как устойчивые узнаваемые культурно-географические коды. Респонденты фиксируют разнообразие рельефа, формируя контрастную картину, включающую как горизонтальные («равнины», «болота»), так и вертикальные («горы», «высокогорья») доминанты. При этом «леса» выступают традиционным стереотипом в описании русского пейзажа. Отметим, что природный образ страны лишен монотонности. Этот факт подтверждает и то, что в языковом сознании турецких студентов Россия концептуализируется как «европейско-азиатское» государство, а именно как глобально пространственный мост, соединяющий два континента.

Оценочное поле (20 %) характеризуется амбивалентностью и наличием смешанных ассоциаций. В этом сегменте превалируют коннотации, связанные с чувством опасности и непредсказуемой силы. Это подтверждает гипотезу о доминировании тревожного компонента в восприятии России как «чужого», чья мощь вызывает одновременно и уважение, и опасение.

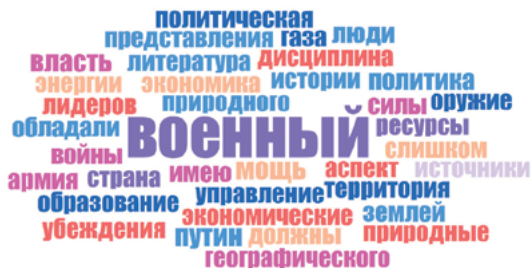

Рис. 4. Символическое облако слов

Символическое поле (15 %) замыкает структуру, представляя собой набор устойчивых культурных и бытовых маркеров. Центральное ядро ассоциативного облака составляет лексема **«ВОЕННЫЙ»**, задающая вектор восприятия России как силовой державы. В структуре поля отчетливо выделяются такие тематические блоки, как силовой блок (*военный, армия, войны, мощь, оружие*); политико-административный блок (*власть, политика, управление, дисциплина, авторитет, Путин*); ресурсно-экономический блок: (*газ, природные источники, энергия, экономика*) и геополитический и лингвофилософский (*литература, географический, убеждения, история*). В целом, в сознании респондентов концепт ГОСУДАРСТВО неразрывно связан с военной мощью и суверенным распоряжением природными ресурсами. Интерпретация доминирования ассоциата «военный» требует комплексного учета двух ключевых факторов: актуальный геополитический контекст и историческую ретроспективу. Безусловно, наличие в облаке тегов понятий, связанных с вооруженными силами и оружием, выступает прямым отражением современной международной напряженности. Вместе с тем данная семантика глубоко укоренена в исторической памяти, особенно в контексте российско-турецких отношений. На протяжении столетий силовой фактор оставался фундаментальным инструментом разрешения геополитических противоречий между двумя империями. Таким образом, силовой блок представляет собой комплекс современных геополитических событий и устойчивый исторический код. Этим объясняется тесная связь в облаке тегов таких понятий, как «военный», «история», «убеждения» и «представления».

Формирование образа «сильной державы» персонифицировано через фигуру Владимира Путина, который аккумулирует в себе смыслы «мощи» и «авторитета». Это транслирует образ жесткой, вертикально ориентированной структуры управления. Величие страны в представлении студентов базируется на синергии «атомных» технологий и энергетического доминирования (*газ*). При этом лексемы *убеждения, дисциплина* и *литература* добавляют образу глубину, указывая на то, что физическая сила в восприятии турецкой молодежи оправдана определенным культурным кодом или идеологическим фундаментом. Следовательно, восприятие России турками студентами дуалистично. С одной стороны, Россия — это «энергетический гигант». С другой стороны, Россия — «интеллектуальный авторитет». Формула величия здесь превалирует над гуманитарными аспектами (*люди, литература*), которые остаются на периферии ассоциативного поля.

Устойчивость этнокультурного стереотипа подтверждается анализом ассоциативного поля лексемы «алкоголь». В сознании турецких студентов данный концепт репрезентируется как прецедентный феномен, ассоциативно сопряженный с русским национальным характером. Эта установка перекликается с укоренившимися в художественной литературе и публицистике культурными мифологемами (в качестве примера литературного конструирования подобного автостереотипа см. произведения В. Ерофеева, 1999). Полученные данные под-

тверждают высокую устойчивость данного гетеростереотипа у респондентов, отражая специфику их межкультурного восприятия, а не объективную социальную реальность.

Таким образом, преобладание государственно-климатических ассоциаций (65 %) над культурными свидетельствует о деперсонализации образа России. Политический портрет России полностью отождествляется с фигурой лидера (90% упоминаний — Владимир Путин). Страна воспринимается как «Северный полюс силы» и сверхдержава. Географическая мощь вызывает амбивалентность (угроза и восхищение). Эпитеты *sert* (жесткий) и *korkutucu* (пугающий) указывают на восприятие образа страны как сопряженной с опасностью и угрозой. В целом, в сознании студентов Россия ассоциируется с мощной геополитической структурой и суровой средой, а не пространством культуры.

3.2. Социокультурный портрет «россиян»

Рис. 5. Семантические поля образа «россиян»

Согласно диаграмме (рис. 5), центральным компонентом концепта РОССИЯНЕ стала доминанта личностных черт (40 %). Основной массив ассоциаций сосредоточен вокруг понятий «холодность» (*soğuk*) и «дистанцированность» (*mesafeli*). Согласно статистическим данным, респонденты склонны к деперсонализации субъекта. В частности, россиянин воспринимается не как индивидуальность, а как носитель этнопсихологического стереотипа «северного человека». Очевидно, что высокая частотность данных лексем указывает на устойчивую когнитивную установку, где климатический фактор (холод) переносится на ментальную сферу.

Важной составляющей гетерообраза россиян в сознании турецких студентов выступает соматический компонент. Анализ ответов (рис. 6) респондентов позволяет выделить устойчивое семантическое поле «Внешность», в котором доминируют биологические маркеры: *светлый тун* (*sarışın*), *высокий рост*,

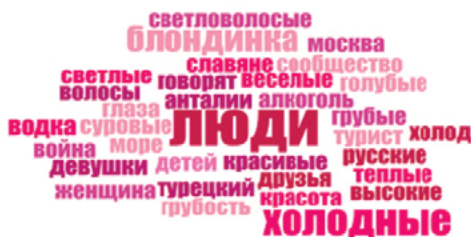

Рис. 6. Первичные вербальные ассоциации, связанные с концептом РОССИЯНЕ

голубые глаза и выраженная манекенная эстетика. В структуре когнитивного восприятия данные физические характеристики функционируют как визуальные идентификаторы этноса. Использование таких дескрипторов, как *красивые, статные и обладающие классической северной внешностью, уважительные люди, вежливые люди*, формирует устойчивый фундамент позитивного имиджа. Очевидно, что студенты оценивают внешность на основе ежедневного визуального контакта в университете, торговых центрах и парках Антальи. Характерная для россиян «сдержанность», которую респонденты определяют как прохладу («холодные люди»), в позитивном контексте интерпретируется как дистанция и избирательность в общении. Таким образом, наблюдается амбивалентная стереотипизация, согласно которой, с одной стороны, прослеживается восхищение, с другой — ощущение дистанции.

Поле психотипических черт (40 %) является центральным и характеризуется высокой степенью гомогенности ответов, демонстрируя тесную взаимосвязь с соматическим компонентом образа. В когнитивной базе студентов внешний визуальный маркер *sarışın* (блондинка) зачастую выступает триггером для актуализации специфической поведенческой модели. Доминирующим когнитивным признаком в этом ряду выступает *soğuk* (холодный), поскольку холодная натура интерпретируется студентами как врожденная этнокультурная черта характера. Этот психологический конструкт неразрывно связан с эпитетом *ciddi* (серьезный), который дополняет ядро ассоциаций наряду с такими лексемами, как *sert* (жесткий / суровый) и *mesafeli* (дистанцированный). Таким образом, экстраполяция внешних характеристик на внутренние качества подтверждает устойчивость стереотипа о коммуникативной закрытости россиян: эстетика северной внешности в сознании респондентов напрямую коррелирует с дистанцированным и сдержанным психотипом.

Поле физического облика (25 %) занимает значительную долю в структуре гетерообраза. В отличие от образа страны образ людей, а конкретно — женщин, сильно эстетизирован. Ключевые дескрипторы: *sarışın* (блондин/ка), *manken gibi* (как модель), *mavi gözlü* (голубоглазый), *estetik* (эстетичный). Наблюдается ген-

дерная асимметрия: положительные ассоциации с внешностью чаще относятся к женскому образу, который выступает одним из немногих позитивных аттракторов в анкетах. Следовательно, преобладают восторженные или констатирующие ассоциации с красотой (*genetik güzellik*), светлыми волосами и высоким ростом.

Поле поведенческих моделей и дисциплины (15 %) отражает восприятие россиянином как «людей системы». Респонденты часто выделяют такие качества, как *disiplinli* (дисциплинированный), *çalışkan* (трудолюбивый) и *dayanıklı* (выносливый). Эти характеристики часто связываются с историческим прошлым и военным могуществом страны, проецируя государственную мощь на личные качества граждан.

Поле социально-коммуникативных барьеров (20 %) объединяет ассоциации, связанные с трудностями взаимодействия. Сюда входят определения *soğuk insanlar* (холодные люди), *kaba* (грубый), *agresif* (агрессивный) и *sarhoş* (пьяный). В контексте Антальи этот сегмент подкрепляется личным опытом: отсутствие улыбок и резкость тона интерпретируются турецкими студентами как проявление неуважения или враждебности.

Анализ семантических полей выявил качественную трансформацию образа страны по сравнению с образом её граждан. Если «россиянин» — это психотип, то «Россия» — это мощь и пространство.

3.3. Концепт КУХНЯ глазами турецких студентов

Полученные результаты коррелируют с исследованиями последних лет, проведенными в странах Черноморского бассейна. Однако спецификой выборки Антальи является то, что даже тесный личный контакт (более 60 % респондентов имеют опыт взаимодействия с россиянами) не разрушает, а зачастую консервирует имеющиеся стереотипы. Соответственно, подобный «функциональный» характер общения в туристическом регионе приводит к тому, что студенты фиксируют преимущественно внешние атрибуты потребления и повседневных привычек, встраивая их в рамки уже существующих клише и не переходя к глубокому социокультурному диалогу.

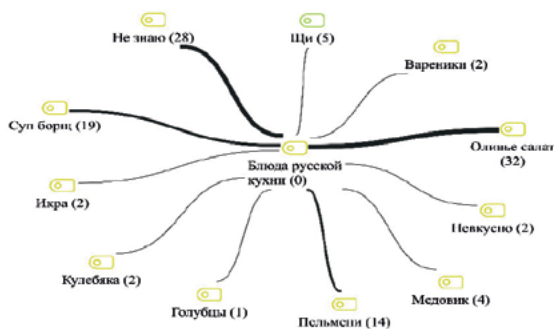

Рис. 7. Блюда русской кухни в сознании турецких студентов

Результаты опроса и визуальный анализ в MAXQDA выявили высокую значимость гастрономических стереотипов. Как показано на рис. 7, безусловным лидером является салат «Оливье» (32 упоминания), известный в Турции как «Rus Salatısı». Популярность блюда и его присутствие в повседневном рационе [Çağlayan Şakar, 2020] подтверждают глубокую интеграцию этого этнолингвистического конструкта в турецкую культуру, где он выступает наиболее узнаваемым маркером российской бытовой традиции.

Второе и третье места по популярности занимают борщ (19) и пельмени (14). Борщ воспринимается студентами как главный символ русской кухни, несмотря на его структурное отличие от традиционных для Турции супов-пюре. Разнообразие вариантов написания («Borş», «Borş çorbası», «Borscht») подтверждает высокую узнаваемость блюда как национального символа, не зависящую от лингвистической фиксации респондентами. Высокая частотность упоминаний пельменей обусловлена наличием в турецкой традиции близкого аналога — блюда манты (manti). В данном случае сходство чужого блюда со своим национальным делает пельмени понятными для турецкого сознания, переводя их из разряда экзотики в категорию знакомой повседневной еды. Очевидно, что студенты склонны идентифицировать незнакомую культуру через понятные им аналоги.

Значительная часть респондентов (28) не смогли назвать ни одного блюда русской кухни. Этот факт свидетельствует о слабой диффузии гастрономических привычек мигрантов в местную студенческую среду. Отсутствие сформированного кода указывает на когнитивный разрыв. Следовательно, визуальное присутствие «другого» в городском пространстве не ведет к автоматическому освоению глубоких пластов чужой культуры.

Следует заметить, что маркеры негативного восприятия русской кухни единичны. Вариант «невкусно» (2) получил минимальное количество упоминаний. Это подтверждает, что дистанцирование вызвано скорее когнитивной лакуной, чем активным неприятием. Качественный анализ выявил лишь два значимых повода для критики: религиозно-культурный фактор (использование свинины и алкоголя) и субъективное эмоциональное неприятие. Таким образом, массовая предубежденность в студенческой среде отсутствует.

Высокая узнаваемость «Русского салата» объясняется его интеграцией в турецкий общепит, тогда как борщ остается лишь внешним ассоциативным символом. Другие блюда (щи, медовик, вареники) находятся на периферии и известны лишь узкому кругу студентов. Низкий показатель упоминаний голубцов (1) объясняется наличием прямого турецкого аналога (*sarma/dolma*). Из-за идентичности блюд респонденты не идентифицируют их как специфически российский символ. Интересно, что единичные упоминания черной икры указывают на сохранение классического стереотипа о «богатой России».

Безусловно, влияние проживания в туристическом регионе отчетливо прослеживается в структуре ответов. Некоторые респонденты демонстрируют глу-

бокую осведомленность о российской кухне, упоминая кулебяку, рассольник или щи. Вероятно, это обусловлено спецификой региональной среды Анталы, а именно личным общением с русскоязычными жителями или профессиональной деятельностью в сфере туризма.

3.4. Стереотипные образы России и россиян в сознании турецких студентов

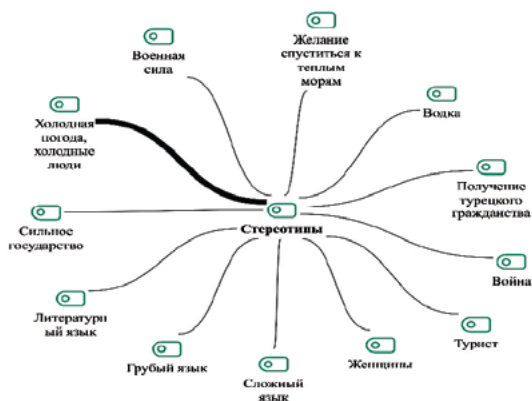

Рис. 8. Стереотипные образы России и россиян в сознании турецких студентов

Анализ «единичного кода» (рис. 8) выявил многогранность образа России, сочетающего исторические штампы, геополитику и современный бытовой опыт. Концептуальная модель включает пять типов стереотипов: климато-психологические, политико-исторические, лингвокультурные, социально-бытовые и новейшие стереотипы контактного взаимодействия (миграция и туризм). Подобная классификация отражает как традиционные нарративы, так и влияние актуального жизненного опыта на восприятие россиян в турецкой молодежной среде.

Доминирующий стереотип «холодная погода — холодные люди» образует ядро восприятия России турецкими студентами. Суровость природы экстраполируется на национальный характер. Эмоциональная сдержанность и закрытость россиян противопоставляются экстравертному типу коммуникации, характерному для турецкой культуры. Первичная категоризация «чужого» происходит на основе наиболее контрастных экзистенциальных и поведенческих отличий.

Политический образ России в сознании турецкой молодежи неразрывно связан с категориями силы и армии. Данный кластер базируется на синтезе исторической памяти и медиатизации современных конфликтов. Высокая частотность лексики, репрезентирующей силовой ресурс (*военная сила, армия*) в сознании турецкой молодежи, объясняется как текущим новостным фоном, так и устойчивым восприятием России в статусе влиятельного геополитического актора.

Особый исследовательский интерес представляет репрезентация кода «Желание спуститься к теплым морям». Стереотип о стремлении Российской империи к незамерзающим южным портам («*sıcak denizlere inme*»), традиционно ассоциируемый в турецкой историографии с геополитическими амбициями Петра I и являющийся краеугольным камнем школьной программы по истории Турции, продолжает активно функционировать как устойчивый шаблон восприятия внешней политики современной России, экстраполируясь на день сегодняшний. Данный концепт демонстрирует глубокую укорененность историко-образовательных нарративов в когнитивной базе турецких студентов.

Отношение турецких студентов к русскому языку противоречиво. Фонетическая сложность и кажущаяся «грубость» речи («*сложный язык*» и «*грубый язык*») создают барьер восприятия, который, однако, успешно компенсируется высоким мировым статусом русской культуры и литературы.

Стереотип «женщины» в Турции частотен и амбивалентен. Активное присутствие россиянок в стране (туризм, миграция, браки) сформировало устойчивый, но клишированный образ, сочетающий в себе эстетические оценки и поведенческие ожидания.

Завершающий блок концептуальной модели отражает интеграцию россиян в повседневную реальность респондентов. Код «турист» переводит абстрактный образ россиянина из макрополитической или исторической плоскости в сферу прямого социально-экономического контакта. В условиях Турции (и, в частности, ее курортных регионов) русский турист представляет собой массовый феномен, хорошо знакомый студентам на бытовом уровне. Стереотип «турист» приземляет образ россиянина, превращая его из исторической категории в объект повседневного социально-экономического взаимодействия.

Новейший стереотип «получение гражданства» отражает реалии 2020—2025 годов (массовую покупку недвижимости и натурализацию россиян). Личные наблюдения студентов за миграционными трендами трансформируют образ россиянина из «туриста» в полноценного участника социально-экономического пространства Турции. Появление этого кода подтверждает адаптивность национальных стереотипов, которые оперативно перестраиваются под влиянием актуальных социальных процессов. Очевидно, что студенты оценивают миграционные тренды на основе личного повседневного опыта.

4. Заключение = Conclusions

При анализе концепта РОССИЯ в молодежной среде доминируют политико-государственные и климатические ассоциации (в совокупности 65 %), формирующие образ «северного полюса силы», в то время как в концепте РУССКИЕ преобладают личностные черты (40 %). Несмотря на повседневный контакт с «русской средой» в Анталии, культурно-символические маркеры занимают лишь 15 % реакций, что указывает на восприятие страны как геополитической структуры, а

не пространства культурного обмена. При этом основным источником знаний служат соцсети и личные наблюдения, так как большинство респондентов не владеют языком (74,6 %) и не имеют прямого опыта коммуникации с россиянами (55,5 %).

Образ России в представлении турецких студентов сочетает уважение и дистанцию. За пятилетие он предельно политизировался: страну видят мощной военизированной державой с суровым климатом и сложным языком. В сознании респондентов Россия функционирует не просто как соседнее государство, а как значимый «другой». Её образ формируется под влиянием двух ключевых факторов: объективной реальности миграционных процессов и субъективного опыта соприкосновения с эстетическим капиталом, воплощённым в облике российских женщин, встречаемых в повседневной жизни.

Образ россиян в представлении турецких студентов Антальи трансформировался из абстрактного медийного клише в «заземленный» повседневный стереотип «соседа». Основное противоречие в восприятии россиян заключается в сочетании эстетической привлекательности и социальной дистанции. С одной стороны, респонденты приписывают им массу положительных качеств, связанных с внешним обликом и дисциплиной (красота, ухоженность, трудолюбие, серьезность). С другой стороны, фиксируются устойчивые характеристики «сурового человека»: холодность, дистанцированность, закрытость и отсутствие улыбок, что интерпретируется студентами как следствие сурового климата и исторического опыта. Гендерный аспект стереотипа демонстрирует явную асимметрию, где образ России в значительной степени феминизирован и эстетизирован.

В области гастрономии выявлено специфическое состояние, которое можно охарактеризовать как отсутствие сформированного лингвокультурного кода. Несмотря на совместное проживание в едином городском пространстве, значительная часть студентов не смогла идентифицировать русские блюда, а имеющиеся ассоциации ограничены коммерциализированными брендами (*салат Оливье*) или продуктами-аналогами (*пельмени*). Это позволяет сделать вывод о том, что русская община в Анталье пока функционирует как «закрытая экосистема», чьи бытовые привычки не диффузируют в местную студенческую среду.

Анализ семантических полей подтвердил отчетливую дифференциацию образов страны и ее граждан в сознании турецких студентов. В условиях мультикультурной Антальи восприятие России и россиян утрачивает характер абстрактного конструкта, наполняясь смыслами, полученными через прямой социально-бытовой контакт. Современную ситуацию и присутствие россиян в Анталье участники рассматривают с прагматической точки зрения. Отношение колеблется от позитивного (вклад в экономику, развитие туризма, оживление городской среды) до критического (рост цен на жилье, формирование закрытых этнических анклавов). Несмотря на трансформацию стереотипов под влиянием личного опыта, базовый образ россиян по-прежнему диктуется географическими и политическими факторами. Имагологическая реконструкция выявила две доминирующие

мифологемы: «ледяная душа» (проекция климата на психотип) и «несокрушимая мощь» (восприятие силы как детерминанты суровости).

Таким образом, современный образ России в глазах турецкой молодежи Антальи стабилизируется в рамках устойчивой дихотомии, где страна продолжает восприниматься как «суровая родина суровых людей». Подобная консервация устоявшихся конструктов подчеркивает, что для преодоления подобных стереотипов России необходимо активнее развивать культурную дипломатию и инструменты «мягкой силы» с целью преодоления поверхностных барьеров восприятия.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	The author declares no conflicts of interests.
Исследование «Россия и русские глазами турецких студентов (на примере Антальи)» / « <i>Türk Öğrencilerin Gözünden Rusya ve Ruslar (Antalya Örneği)</i> », проводимое на турецком языке под руководством Ренаты Акташ (отделение русского языка и литературы, факультет Литературы), было единогласно признано этически приемлемым Комитетом по этике Университета Акдениз (Турция) (решение № 598 от 06.11. 2025 года).	The study titled 'Russia and Russians through the Eyes of Turkish Students (The Case of Antalya)' / ' <i>Türk Öğrencilerin Gözünden Rusya ve Ruslar (Antalya Örneği)</i> ', conducted in Turkish under the supervision of Renata Aktaş (Department of Russian Language and Literature, Faculty of Letters), was unanimously deemed ethically acceptable by the Ethics Committee of Akdeniz University (Türkiye) (Decision No. 598, dated November 6, 2025).

Литература

1. Акташ Р. Язык в пространстве: русский язык в языковом ландшафте Антальи / Р. Акташ // Связующая Нить : русский язык в XXI веке в общении культур / ред. М. В. Захарова, Х. Бак. — Москва : МГПУ, 2023. — С. 18—34. — ISBN 978-5-00244-046-7.
2. Андриющенко К. Анализ миграционных процессов России в современных условиях / К. Андриющенко // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). — 2024. — № 4. — С. 10—14. — DOI: 10.54220/v.rsue.1991-0533.2024.1.85.001.
3. Бердяев Н. А. Судьба России: Сборник статей (1914—1917) [Электронный ресурс] / Н. А. Бердяев. — Режим доступа : https://legitimist.ru/lib/philosophy/n_berdyayev_sudba_rossii.pdf (дата обращения 27.01.2026).
4. Ерофеев В. В. Энциклопедия русской души / В. В. Ерофеев. — Москва : Подкова, Де-конг+, 1999. — 346 с.
5. Литвинова А. А. Содержание этнического стереотипа «русские» по данным свободного ассоциативного эксперимента / А. А. Литвинова // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. — 2022. — № 4. — С. 57—60.
6. Шестопал Е. Б. Образы настоящего и будущего России в политическом сознании ее граждан / Е. Б. Шестопал, Н. Н. Погач // Общественные науки и современность. — 2022. — № 6. — С. 45—61. — DOI: 10.31857/S0869049922060041.
7. Antonova-Ünlü E. Russian immigrant diaspora in Turkey : Language use, preference and attitudes / E. Antonova-Ünlü, Ç. Sağın-Şimşek, E. Ateşman, A. Lozovska // Turkish Studies. — 2015. — Vol. 16. — № 3. — Pp. 391—410. — DOI: 10.1080/14683849.2015.1067864.
8. Bakan Ö. Türk Üniversite Öğrencileri Gözünde Rusya İmajı / Ö. Bakan, N. Tabakçı // Selçuk İletişim. — 2008. — Vol. 5. — № 3. — Pp. 97—110.
9. Chambers İ. Göç, Kültür, Kimlik / İ. Chambers ; çev. İ. Türkmen, M. Beşikçi. — İstanbul : Ayrıntı Yayınları, 1995. — 192 p.

10. Çağlayan Şakar K. Gelenekler Bağlamında Rus Mutfağı ve Yemek Kültürü / K. Çağlayan Şakar // Gelenekler Bağlamında Rus Kültürü / Ed. R. Şakar. — Ankara : Nobel Yayınları, 2020. — Pp. 107—122.
11. Deniz A. Rusya'dan Antalya'ya Ulaşırını Göç ve Bu Göçün Sosyo-Mekânsal Sonuçları : Yüksek Lisans Tezi / A. Deniz. — Ankara : Ankara Üniversitesi, 2012. — 183 p.
12. Deniz A. Rusya-Türkiye Göç Sistemi: İstanbul'da Karma Evlilikler ve Ulaşırını Pratikler / A. Deniz. — Ankara : Ankara Üniversitesi Sosyal Bilimler Coğrafya Anabilim Dalı Doktora Tezi, 2018. — 402 p.
13. Deniz A. Rusya'dan Türkiye'ye Ulaşırını Göç : Antalya'daki Rus Göçmenler / A. Deniz, E. M. Özgür // Ege Coğrafya Dergisi. — 2010. — Vol. 19. — № 1. — Pp. 13—30.
14. Deniz A. The effects of Russia-Turkey crisis on mixed families in İstanbul : Hearing the voices of women / A. Deniz, E. M. Özgür // International Journal of Social Sciences and Education Research. — 2017. — Vol. 3. — № 2. — Pp. 406—410. — DOI: 10.24289/ijsser.272488.
15. Deniz A. Antalya'daki Rus Gelinler : Göçten Evliliğe, Evlilikten Göçe / A. Deniz, E. M. Özgür // Turkish Journal of Sociology. — 2013. — Vol. 3. — № 27. — Pp. 151—175.
16. Filyeva Erkeç U. Evlilik Yoluyla Kadın Göçü ve Türkiye'de “Rus Gelin”lerin Durumu / U. Filyeva Erkeç // Sosyal ve Beşeri Bilimler Dergisi. — 2017. — Vol. 1. — № 2. — Pp. 21—43.
17. Kemaloğlu İ. Rusların Gözüyle Türkler / İ. Kemaloğlu. — İstanbul : Kaknüs Yayınları, 2015. — 248 p.
18. Özmen C. Türk-Rus İlişkilerinde Evliliklerin Rolü ve Ekonomiye Katkıları / C. Özmen, Ş. Dilli // VII. Uluslararası Karadeniz Sempozyumu. — Giresun : [b. i.], 2017. — Pp. 380—388.
19. Turut H. Bir Kente Göçün Hikâyesi : Süreçler, Bütünleşme ve Aidiyet / H. Turut, E. M. Özgür // Coğrafi Bilimler Dergisi. — 2018. — Vol. 16. — № 1. — Pp. 153—180. — DOI: 10.1501/Cogbil_0000000196.
20. Uysal S. Russian Exodus: Mobility And Gravity / S. Uysal, C. Çetin // Çukurova Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi. — 2025. — Vol. 34. — № 2. — Pp. 1524—1539. — DOI: 10.35379/cusosbil.1623953.

Статья поступила в редакцию 28.02.2026,
одобрена после рецензирования 18.06.2026,
подготовлена к публикации 01.07.2026.

References

- Aktash, R. (2023). Language in Space: The Russian Language in the Language Landscape of Antalya. In: *The Connecting Thread: The Russian Language in the 21st Century in Cultural Communication*. Moscow: Moscow State Pedagogical University. 18—34. ISBN 978-5-00244-046-7. (In Russ.).
- Andryushchenko, K. (2024). Analysis of Russia's Emigration Processes in the Current Conditions. *Bulletin of the Rostov State University of Economics (RINH)*, 4: 10—14. DOI: 10.54220/v.rusue.1991-0533.2024.1.85.001. (In Russ.).
- Bakan, Ö., Tabakçı, N. (2008). Türk Üniversite Öğrencileri Gözünde Rusya İmajı. *Selçuk İletişim*, 5 (3): 97—110. (In Turk.).
- Berdyayev, N. A. *The Fate of Russia: Collection of articles (1914—1917)*. Available at: https://legitimist.ru/lib/philosophy/n_berdyayev_sudba_rossii.pdf (accessed 27.01.2026). (In Russ.).
- Çağlayan Şakar, K. (2020). Gelenekler Bağlamında Rus Mutfağı ve Yemek Kültürü. In: *Gelenekler Bağlamında Rus Kültürü*. Ankara: Nobel Yayınları. 107—122. (In Turk.).
- Chambers, İ. (1995). *Göç, Kültür, Kimlik*. İstanbul: Ayrıntı Yayınları. 192 p. (In Turk.).
- Deniz, A., Özgür, E. M. (2013). Antalya'daki Rus Gelinler: Göçten Evliliğe, Evlilikten Göçe. *Turkish Journal of Sociology*, 3 (27): 151—175. (In Turk.).

- Deniz, A. (2012). *Rusya'dan Antalya'ya Ulaşır G ç ve Bu G ç n Sosyo-Mek nsal Sonu ları: Y ksek Lisans Tezi*. Ankara: Ankara  niversitesi. 183 p. (In Turk.).
- Deniz, A.,  zg r, E. M. (2010). Rusya'dan T rkiye'ye Ulaşır G ç: Antalya'daki Rus G çmenler. *Ege Coğrafiya Dergisi*, 19 (1): 13—30. (In Turk.).
- Deniz, A. (2018). *Rusya-T rkiye G ç Sistemi: İstanbul'da Karma Evlilikler ve Ulaşır Pratikler*. Ankara: Ankara  niversitesi Sosyal Bilimler Coğrafiya Anabilim Dalı Doktora Tezi. 402 p. (In Turk.).
- Deniz, A.,  zg r, E. M. (2017). The effects of Russia-Turkey crisis on mixed families in İstanbul: Hearing the voices of women. *International Journal of Social Sciences and Education Research*, 3 (2): 406—410. DOI: 10.24289/ijsser.272488.
- Erofeev, V. V. (1999). *Encyclopedia of the Russian Soul*. Moscow: Podkova, Dekont+. 346 p. (In Russ.).
- Filyeva Erke , U. (2017). Evlilik Yoluyla Kadın G ç  ve T rkiye'de “Rus Gelin”lerin Durumu. *Sosyal ve Be eri Bilimler Dergisi*, 1 (2): 21—43. (In Turk.).
- Kemaloğlu, İ. (2015). *Rusların G z yle T rkler*. İstanbul: Kakn s Yayınları. 248 p. (In Turk.).
- Litvinova, A. A. (2022). The Content of the Ethnic Stereotype “Russians” According to the Free Association Experiment. *Bulletin of Khakass State University named after N. F. Katanov*, 4: 57—60. (In Russ.).
-  zmen, C., Dilli,  . (2017). T rk-Rus İli kilerinde Evliliklerin Rol  ve Ekonomiye Katkıları. In: *VII. Uluslararası Karadeniz Sempozyumu*. Giresun: [b. i.]. 380—388. (In Turk.).
- Shestopal, E. B., Rogach, N. N. (2022). Images of Russia's Present and Future in the Political Consciousness of Its Citizens. *Social Sciences and Modernity*, 6: 45—61. DOI: 10.31857/S0869049922060041. (In Russ.).
- Turut, H.,  zg r, E. M. (2018). Bir Kente G ç n Hik yesi: S re ler, B t nleşme ve Aidiyet. *Coğrafi Bilimler Dergisi*, 16 (1): 153—180. DOI: 10.1501/Cogbil_0000000196. (In Turk.).
- Uysal, S.,  etin, C. (2025). Russian Exodus: Mobility And Gravity. * ukurova  niversitesi Sosyal Bilimler Enstit s  Dergisi*, 34 (2): 1524—1539. DOI: 10.35379/cusosbil.1623953.

*The article was submitted 28.02.2026;
approved after reviewing 18.06.2026;
accepted for publication 01.07.2026.*